Возвращенный Иерусалим

Шели **ШРАЙМАН**

ОКОНЧАНИЕ.
НАЧАЛО в «Окнах» от 29.05.2014

Вернуть евреям Старый город и Стену плача через столько лет... После Шестидневной войны многие были убеждены, что без воли Всевышнего тут не обошлось. Израиль, которому в 1967-м угрожала война с севера и юга, не только сумел одержать победу на всех фронтах, но и вернул контроль над Иерусалимом.

— Я, как человек военный, объясняю наш успех не только везением, — говорит Арик Ахмон, офицер разведки 55-й десантной бригады резервистов, которая первой вошла в Старый город, — перед нами тогда стояла высокая цель, которая оправдывала любой риск и любые жертвы (весь «оркестр» Моты Гура — от командиров дивизий до командиров рот — был так настроен), и мы думали только о том, как нам ее достичь. Окончательный план Мота дорабатывал с Мойшеле (подполковник Моше Стемпель, заместитель Гура), Амосом (подполковник Амос Ярон, офицер, координирующий действия дивизий) и со мной уже по дороге в Иерусалим, где мы в пять часов вечера встретились с командирами дивизий, и каждый из них получил задание прорвать ночью границу, поделившую город на восточную и западную части, и атаковать противника на его территории.

Фото автора

Арик Ахмон дома, в своем рабочем кабинете

МЕЖДУ ЧУВСТВОМ И ДОЛГОМ

— Операция началась в два часа ночи, и наши потери были небольшими: иорданцы сразу даже и не поняли, что мы совершаем прорыв прямо у них под носом, — продолжает полковник Ахмон. — Ночь была нам союзником. Если бы мы начали операцию, когда рассвело, все могло пойти совсем подругому. Утром уже шли тяжелые бои, которые продолжались до вечера. Я находился рядом с Мотой, постоянно был на связи со всеми и слышал, как погибают ребята из роты «Алеф», которой я командовал еще всего полгода назад. Мое сердце рвалось к ним, но должность обязывала помогать Гуру, руководившему операцией. Мота, очевидно, представлял себе, что я испытываю в тот момент, и не забыл об этом, когда писал мне на титульном листе книги-альбома о Шестидневной войне личное посвящение. — Полковник Ахмон открывает нужную страницу с рукописными строчками, оставленными рукой командира бригады: «Арик, в ХАПАКе (оперативный штаб) твое сердце болело за своих солдат, но, как офицер разведки, ты вдохновлял меня принимать решения по руководству боем, рискуя собой, вызволял товарищей, вошел в Старый город через Львиные ворота и водрузил на Храмовой горе израильский флаг...»

В течение всего вторника в Иерусалиме шли тяжелые бои, — возвращается меня Арик к июньским событиям 1967 года, — иорданцы оказывали ожесточенное сопротивление в каждой точке, и все основные потери с нашей и их стороны были именно в этот день. Треть состава бригады вышла из строя: в Шестидневной войне мы потеряли девяносто восемь бойцов, многие получили серьезные ранения. Но бой за Иерусалим был настолько важен для нас, что еще раз повторю: мы думали только о том, чтобы выполнить приказ пусть даже ценой своей жизни. При том большом количестве погибших и тяжелораненых, которые остались инвалидами на всю жизнь, я до сих пор убежден: мы тогда были правы!

«ХРАМОВАЯ ГОРА В НАШИХ РУКАХ! ПОВТОРЯЮ: ХРАМОВАЯ ГОРА В НАШИХ РУКАХ!»

— В ночь с шестое на седьмое июня в правительстве еще шли споры по поводу того, входить в Старый город или нет. Одни были «за», другие воздерживались, третьи решительно отвергали подобный шаг, опасаясь мирового скандала. Что же касается нас, то оперативный штаб бригады в тот момент находился в Музее Рокфеллера, неподалеку от Львиных ворот, и десантники были готовы войти в Старый город в любую минуту. И тут к нам пожаловал главный военный раввин ЦАХАЛа Шломо Горен и начал убеждать Моту Гура побыстрее войти в Старый город. Тот отшучивался: «Рав Горен, твой командир — Всевышний, и он говорит тебе: «Освободи Стену плача!», но мой командир — командующий центральными фронтом, и я подчиняюсь ему. Приказа войти в Старый город Узи Наркис мне еще не давал». — Арик показывает мне знаменитую фотографию тех лет, где улыбающийся Мота Гур сидит со своими бойцами у стенки, а напротив него — раввин Горен, и произносит: — Здесь как раз и заснят тот самый момент, когда между ними происходил этот разговор.

Ближе к утру мы получили приказ взять под свой контроль вершины холмов, окружающих Старый город со стороны Восточного Иерусалима, в том числе Масличную гору. В тот момент мы еще не знали, что ночью иорданцы приняли решение отступить и покинуть Старый город. Мы почти без боя занимали опустевшие холмы и входили в притихший город, где оставалось лишь небольшое число бойцов Арабского легиона, до которых приказ командования, очевидно, просто не дошел: они еще продолжали оказывать нам сопротивление.

Утром мы поднялись с Мотой в «Захлане» (бронетранспортер старого типа) наверх. Этот снимок, где мы сидим на Масличной горе спиной к фотографу и смотрим на Старый город, стал своего рода символом Шестидневной войны, хотя там не видно наших лиц. Когда шли бои, нам было не до поз и улыбок, а военные фотографы всегда находились позади нас. Поэтому на многих снимках, в том числе на том, где мы уже поднимаемся с Мотой на Храмовую гору, ты не увидишь наших лиц, а сам я узнаю себя лишь по закатанным рукавам форменной рубашки (старая привычка).

Вышло так, что приказ войти в Старый город получил именно я и передал его Моте. В четверть десятого утра прибор связи, который я держал в руке, ожил — нас вызывали из штаба центрального фронта: «Как можно быстрее входите в Старый город!» Дежурный офицер, передавший это сообщение, через год погиб в военной операции, а в тот момент, когда он передал нам приказ генерала Узи Наркиса, я даже не понял исторической значимости происходящего. Для меня, офицера разведки, подобный приказ означал тогда только то, что мы расширяем операцию и я должен готовиться к ее новому этапу. Забегая вперед, скажу: лишь когда мы начали подниматься на Храмовую гору, до меня наконец дошло: происходит что-то необычное! Мне кажется, что из всех, кто находился в момент получения приказа рядом со мной, один Мота понял всю важность момента — при том, что я никогда не видел его в состоянии эйфории. Уже сам факт, что он, вопреки военным правилам, решил войти в Старый город с офицерами оперативного штаба в числе первых, было очень необычно. Ведь один прицельный выстрел из базуки — и «Захлана» нет, бригада обезглавлена. Похоже, Мота чувствовал, что все уже позади, у него была хорошая интуиция. В тот день он с самого утра не расставался со своим дневником, в который время от времени что-то записывал, и находился в каком-то особом состоянии, словно видел уже нечто большее, чем видели мы.

Впоследствии на основе этого дневника он напишет свою знаменитую книгу «Храмовая гора в наших руках». А тогда он просто сказал водителю: «Бенци, езжай!» И наш «Захлан» двинулся в направлении Старого города. Сзади ехал джип, откуда военный корреспондент нас в это время снимал. Вот они, эти фотографии... — Арик перелистывает страницы альбома с черно-белыми снимками.

И вот уже подъем на Храмовую гору, все устремляются вверх по ступеням, Мота чуть впереди остальных, — продолжает он свой рассказ. — Первое, что меня поразило, — тишина. На огромной площадке никого не было. Я бросился с «Узи» за угол, чтобы проверить, нет ли там засады. Потом мы сидели, прислонившись к камням, напротив мечети, откуда Мота продолжал отдавать распоряжения членам бригады, еще очищавшим от остатков Арабского легиона Старый город, через два часа он уже полностью был под нашим контролем.

На Храмовую гору начали подтягиваться бойцы бригады. У всех было ощущение праздника. Заместитель Моты Мойшеле Стемпель поднял над Храмовой горой израильский флаг. Мы переглянулись с офицером связи Орни. Уже не помню, кто из нас произнес эту фразу: «Может, вывесим флаг и на купо-

Раввин Горен убеждает Моту Гура побыстрее войти в Старый город

ле мечети?» Спросили Моту. Он кивнул: «Хорошо». И мы пошли с Орни к двери мечети, захватив с собой еще Раца Поляка из нашей бригады. На двери висел большой замок, который я открыл с помощью «Узи»: там остались следы моих пуль. Едва вошли внутрь, наши ноги сразу утонули в коврах. Оглядевшись, обнаружили дверь и лестницу, ведущую наверх: она находилась между каменным куполом и покрытыми позолотой металлическими пластинами. Начали подниматься. Орни — впереди, как более молодой и более спортивный. Откуда-то издалека еще доносились звуки выстрелов, а мы здесь были совсем одни. Добравшись до верхней части купола, Орни встал мне на плечи, чтобы дотянуться до металлической конструкции и прикрепить флаг.

Едва мы успели спуститься вниз и выйти из мечети, как прибор связи в моих руках снова ожил: на сей раз сам министр обороны срочно вызывал Моту Гура. Я протянул прибор связи командиру бригады, и разговор между ними сразу начался с криков Моше Даяна: «Вы с ума сошли?! Сейчас же снимите с мечети флаг! Хотите, чтобы весь мусульманский мир поднялся против нас?! Израильский флаг на куполе мечети — это последнее, что нам сейчас нужно! Немедленно снимайте!» Мота отдал приказ снять флаг, но мы с Орни не захотели сами идти — послали вместо себя Раца Поляка, который все за нас сделал. Так что флаг, который Моше Даян увидел в бинокль, провисел не вершине купола совсем недолго.

Но это еще не конец истории. Вскоре на Храмовую гору поднялся сияющий раввин Горен. Он в те дни не расставался со свитком Торы и шофаром, в который постоянно трубил. В отличие от сосредоточенного на своих мыслях Моты раввин Горен действительно пребывал в такой эйфории, что даже захотел зайти в мечеть — посмотреть. Мота меня окликнул: «Арик, покажи раву мечеть!» И мы пошли туда втроем, прихватив с собой еще раввина Коэна. Посмотрели. И вдруг раввин Горен поворачивается к нам и спрашивает, поднимая руку с шофаром: «Трубить или не трубить?» Раввин Коэн был в замешательстве. Да и я, признаться, тоже. Потом кто-то из нас ему ответил: «Рав Горен, наверное, не стоит. Ведь мы тут одни, все равно никто не услышит». И он не стал трубить.

Заканчивая историю про израильский флаг, добавлю только, что исторический разговор, который состоялся по связи между Мотой Гуром и командующим центральным фронтом Узи Наркисом, записали для эфира и впоследствии каждый год транслировали по радио. «Храмовая гора в наших руках! Повторяю: Храмовая гора в наших руках!» — сообщал Гур Наркису. Но там была еще одна фраза — о том, что подполковник Стемпель вывесил израильский флаг у Западной стены, а майор Ахмон и лейтенант Орни — на куполе мечети. Эту запись повторяли в День Иерусалима каждый год, и моя мама всякий раз ждала момента, когда Мота Гур в очередной раз произнесет имя ее сына — майора Ахмона. Впоследствии «Коль Исраэль» знаменитую фразу урезал, очевидно, из соображений политкорректности, оставив только ее начало («Храмовая гора в наших руках! Повторяю: Храмовая гора в наших руках!»), в то время как на «Галей-ЦАХАЛ» ее продолжали транслировать в полном формате. Прошло еще несколько лет, прежде чем нас с Орни стерли из записи, ставшей достоянием истории, — улыбается Арик.

После окончания войны Мота попросил меня задержаться на резервистских сборах, чтобы проверить до малейшей детали операцию бригады в Иерусалиме, проанализировать все промахи и составить подробный отчет. «Арик, если мы будем знать наши ошибки, то сможем избежать их в будущих войнах», — сказал он. На данные этого отчеты Мота не раз ссылается в своей знаменитой книге «Храмовая гора в наших руках!», обобщившей опыт Шестидневной войны. Примечательно, что она вышла как раз в те дни, когда начиналась Война Судного дня, — добавляет полковник Ахмон.

ОКОНЧАНИЕ следует

Десантники 55-й бригады в Старом городе

Фото из архива «Едиот ахронот»